

В облике этой улицы угадываются старинные черты: кое-где сохранившиеся двухэтажные и даже одноэтажные дома с мезонинами; пустырь на месте снесенного дома и открытый двор с разросшимися густо тополями и кленами, из-за которых виднеется обшито желтыми досками двухэтажное здание, служившее в старину подсобным помещением, а впоследствии приспособленное под жилье; тихий переулок с названием Иверский; физиономия самой улицы, неширокой, плавно изогнутой. Летом, в июне-июле, улица словно молодеет от кружащегося в воздухе тополиного пуха, переносающегося от одного дома к другому, льнущего доверчиво к прохожим...

Игрушечно приткнулась железная ограда с каменным основанием к мощному стволу тополя. На бугристой поверхности ствола, словно оставленные лемехом борозды, отливающие окаменевшим синеватым черноземом; глубокие трещины, в которых, кажется, птицы могут вить гнезда; пучки омертвевших сучьев и между ними замолодки – свежая поросль зеленых листочков. Можно долго стоять и вглядываться в эти следы на стволе, которому, видимо, уже не один век, думать о времени, отложившемся в этой застывшей лаве, о событиях далеких лет, ровесниках тополя. Ствол изогнуто идет вверх, и там дерево раздваивается, одной половиной разросшись в сторону двора, а другою, главною, раскинувшись над улицей, осеняя почти всю ширину ее многоветвистым зеленым навесом. Идут, спешат прохожие, как по всякой московской улице, не имея времени, а чаще даже не догадываясь, что достаточно остановиться у этого самого древнего на улице, а может быть, во всей Москве тополя и перейти на осеняемую им улицу – и вот совершенно другой мир.

Вы попадаете в старый московский дворик, как бы отрезанный от движения и уличной суеты, успокоенно собранный под густыми кронами старых тополей, и если вы оказались здесь впервые, то не можете не присесть на скамейку и не оглядеться. В середине дворика в окружении скамеек высится бюст А.Н. Островского. Знакомый по фотографиям его последних лет умный, упорный взгляд драматурга как будто вперился в стоящий перед ним в трех десятках шагов дом. <...>

Смотришь и изумляешься тому, что прошло более полутора веков с тех пор, как родился Островский, но и сейчас все здесь дышит подлинностью былого. И это оттого, что сохранился старинный дом, сохранились эти почерневшие от времени и непогоды бревна, покрытое зеленым мхом бревнышко в простенках окон. Мы говорим о «священных камнях» истории, но может быть таким же дорогим для нас и бревнышко, на которое, как мы сейчас, смотрел когда-то хозяин дома. <...>

Наглядевшись на дом, я вернулся на скамейку и сел рядом со стариком, до того наблюдавшим за мною. «Посмотрели дом Островского? – спросил он, повернувшись в мою сторону. – Вы видели этот дом с мемориальной доской? На нем не было, помните, галерейки. А на моей памяти, до 1932 (одна тысяча девятьсот тридцать второго) года, над первым этажом этого дома шла открытая галерейка с трех сторон, можно было чай пить, дрова сушить. Меня интересует, восстановят ли эту галерейку?»

Так я познакомился с «последним замоскворецким жителем», как старик назвал себя. Тут же узнал я от него в подробности все географию дворика в недалеком прошлом. «Лицевая сторона дома выходила на маленькую древнюю церковь. В ней было два придела: новый, который достраивался позднее, и старый, совсем маленький и низенький, можно было достать рукой своды. Вокруг церкви была железная решетка, росли тополя, клены.» <...>

Мой случайный знакомый в старом московском дворике оказался человеком небезызвестным. Как выяснилось впоследствии, восьмидесятилетний Константин Георгиевич Иванов – автор справочников о музыке в жизни русских классических писателей, в т.ч. справочника «А.Н. Островский в музыке».

Иванов – коренной житель Замоскворечья. Я счел за счастливое обстоятельство это неожиданное знакомство и решил по возможности больше узнать о Замоскворечье.

Исходный текст: Лобанов М. Александр Островский. – М.: Молодая гвардия, 1979. – С.5-8.